

ИНСТИТУТ АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
THE INSTITUTE OF ASIAN STUDIES

Казахстан и Россия

В ПОИСКАХ НОВОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО СМЫСЛА

Султан Акимбеков

АЛМАТЫ
ЯНВАРЬ 2021

ИНСТИТУТ АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ THE INSTITUTE OF ASIAN STUDIES

Институт азиатских исследований основан в 2012 году в Алматы, Казахстан. Институт является частной независимой исследовательской организацией, специализирующейся на широком спектре вопросов международных отношений, безопасности, экономики и внутренней политики, имеющих отношение к азиатскому региону с акцентом на Центральную Азию. Институт видит свою миссию в том, чтобы с помощью создания качественного исследовательского продукта внести свой вклад в повышение качества интеллектуальной среды Казахстана.

Содержание

Между историей и политикой.....	4
Историческая идеология или историческая политика.....	9
Большие маневры.....	12
Испытание на прочность.....	19
Вместо заключения	26

Между историей и политикой

Произошедший в декабре 2020 года скандал вокруг высказываний ряда российских депутатов о Казахстане, без всякого сомнения, произвел эффект разорвавшейся бомбы. Для традиционно ровных и дружественных казахстанско-российских отношений это было настолько необычно, что не могло не вызвать недоуменных вопросов у широкой общественности и в Казахстане, и в России о том, зачем это вообще было нужно.

Скандал начал депутат российской Государственной Думы от партии «Единая Россия», глава комитета по образованию и науке, доктор исторических наук Вячеслав Никонов. Все эти его должности необходимо учитывать при оценке произошедших событий. Все-таки Никонов весьма заметная политическая фигура и его слова, естественно, воспринимаются в связи с данным обстоятельством.

10 декабря 2020 года в прямом эфире программы «Большая игра» Первого российского канала Никонов сказал, что «Казахстана просто не существовало, Северный Казахстан вообще не был заселен». «Они существовали, но гораздо южнее. И, собственно, территория Казахстана – это большой подарок со стороны России и Советского Союза»¹.

Вскоре коллегу поддержал другой депутат Государственной Думы Евгений Федоров, который известен как руководитель НОД (Национального освободительного движения), известной российской проправительственной патриотической организации. Федоров выступил уже после того, как казахстанский МИД в лице заместителя министра Марата Сыздыкова пригласил временного поверенного в делах России в Казахстане Александра Комарова и выразил недоумение по поводу выступления Никонова. В ответ на это Федоров призвал Казахстан вообще отдать России все свои территории.

Такого публичного выяснения отношений между представителями двух стран не было никогда. Причем, также впервые в дискуссии приняли участие довольно большое число представителей казахстанской политической элиты, что также было очень необычно. Так, заявление сделал председатель комитета по международным отношениям, обороне и безопасности сената Казахстана Мухтар Кул-Мухаммед. Он задался вопросом по поводу выступления Никонова, «что это воинствующее невежество, политический инфантилизм или целенаправленная попытка вбить клин между двумя народами и государствами»². После этого высказывались также депутаты мажилиса.

Заметим, что традиционно в Казахстане, за весьма редкими исключениями, в принципе стараются вообще не реагировать на подобные высказывания из России, хотя это периодически и происходит. Во многом это связано с тем, что нашим двум странам свойственна сильная центральная вертикаль власти.

Собственно, отношения на этом уровне обычно и определяют повестку дня казахстанско-российских отношений и, по сути, практически полностью ее исчерпывают. Причем, как на официальном уровне, так и на неофициальном. В такой ситуации общественное мнение двух стран крайне редко бывает вовлечено в определение политической и идеологической тематики отношений. Конечно, за исключением обычных деловых и личных контактов, которых между гражданами России и Казахстана существует великое множество.

В силу существующей специфики отношений между центрами политической власти Казахстана и России в общественном пространстве в целом не принято критиковать друг друга. Обычно в публичном пространстве двух стран о соседе говорят практически только хорошие вещи. По сути,

¹https://v-nikonov.ru/all_video/195211/

²<https://informburo.kz/novosti/v-senate-otreagirowali-na-provokacionnoe-zayavlenie-deputata-gosdumy-o-territorii-kazahstana.html>

это такая известная восточная традиция, которая выражается в том, что мы о вас ничего плохо не пишем, но и вы о нас тоже не пишите и принимайте меры, если кто-то там что-то напишет. Поэтому дипломаты из восточных стран всегда весьма болезненно воспринимают публикации про себя в СМИ стран пребывания. Многие казахстанские журналисты хорошо знакомы с такой чисто восточной спецификой.

Тем не менее, российско-казахстанские отношения все-таки имеют свои особенности. Они связаны с разными возможностями двух стран в области информации, уровнях ее анализа и, безусловно, разработке идеологических вопросов. В России интеллектуальное пространство гораздо более развитое и мощное. Здесь существенно больше изданий, научных и аналитических институтов с коллективами пишущих авторов, самих авторов, которые пишут много текстов и создают самый разнообразный контент на множество различных тем. Среди этих, естественно, встречается и тематика, имеющая отношение к Казахстану, но раскрывается она не слишком активно и не очень часто.

В то же время Россия, особенно начиная с 2014 года, весьма активно участвует в информационных войнах, причем, с весьма серьезными противниками – от Украины до стран условного Запада. Это является мощнейшим стимулом для развития соответствующих структур. Соответственно, у российских властей в наличие множество бойцов информационных фронтов.

Кроме того, и в самой России постоянно идут идеологические бои местного значения между сторонниками восстановления прежней мощи российского государства и их критиками из либерального лагеря. Первые называют вторых своего рода пятой колонной, которые, по их мнению, условно говоря, «льют воду на мельницу Запада». В ответ вторые называют первых «сторонниками имперской идеи», которая развивается в основном под флагом идеи возрождения Советского Союза или может быть Российской империи.

Конечно, все эти определения очень условны, в идеологии всегда можно найти много переходных моделей. Например, того же Алексея Навального, который сейчас для официальной России находится в статусе «берлинского пациента», многие российские либералы считают не совсем демократом, а все-таки больше условным «имперцем». Но в любом случае, для понимания нашей ситуации важно то обстоятельство, что в российском интеллектуальном пространстве весьма много активных и относительно самостоятельных игроков, которые практически непрерывно производят самый разнообразный контент, который ориентирован либо на продвижение какой-то идеи, либо против нее.

В этом смысле в Казахстане ситуация гораздо спокойнее, если не сказать больше. Наше интеллектуальное пространство производит гораздо меньше качественного контента, даже не столько в силу запретов, сколько в связи с существенно меньшим числом возможных авторов, а также отсутствием необходимости вести масштабные информационные войны. Поэтому у нас информационная политика государства носит скорее условно охранительный характер, чем наступательный, последнее больше характерно для России.

Кроме того, у нас нет и особого идеологического противостояния, вокруг которого ломались бы копья и перья. Вернее, определенные идеологические различия, конечно, присутствуют, но они гораздо менее заметные, чем в той же России. У государства в Казахстане нет идеологического противостояния с Западом, как у России, нет также необходимости поддерживать соответствующий накал в дискуссиях с местными либералами. Либерально настроенных людей в Казахстане существенно меньше, чем в России, в том числе потому, что меньше активного городского населения. В этом смысле идеологические баталии между условными «государственниками» и не менее условными либералами в Казахстане далеко не такие активные и содержательные, как в России, если вообще имеют место быть.

Собственно, для Казахстана традиционно было свойственно избегать какого-либо накала в дискуссиях, тем более идеологических. Однако именно это обстоятельство и является одной из важных причин недостатка контента и авторов для его написания. Кроме того, в Казахстане вообще больше привыкли опираться на российскую интеллектуальную продукцию, активно потребляя на разных уровнях соответствующий контент. В том числе многие казахстанские информационные ресурсы воспринимают большой мир через российскую точку зрения и оценки ситуации, которые сделаны в Москве.

Собственно, это никогда никого особенно не беспокоило, так как в общем-то и не было особой почвы для беспокойства. Центр политической власти на своем уровне последние 30 лет довольно эффективно регулировал отношения с нашим северным соседом, снимая при этом все возможные вопросы.

Тем не менее, можно сказать, что над Казахстаном, условно говоря, существовал, и существует что-то вроде российского информационного и идеологического навеса. В такой ситуации вполне естественно, что в России довольно регулярно появляются материалы о Казахстане. В то время как в Казахстане про Россию вообще практически ничего не писали и не пишут, кроме официальной информации. И здесь были свои интересные особенности.

К примеру, российские либеральные авторы обычно весьма критически относились к казахстанской политической действительности. Но при этом они очень позитивно воспринимали казахстанскую экономическую модель, в основном из-за меньшего присутствия государства в экономике и низких налогов. Либералам обычно в принципе не нравится центральная вертикаль власти, ни в России, ни в Казахстане. Кроме того, они традиционно выступают за свободу слова и право писать, что считают важным.

Между прочим, из-за этого в Казахстане уже довольно давно заблокирован информационный сайт «meduza.io». Когда-то журна-

лист Илья Азар написал репортаж из Усть-Каменогорска, где в том числе затронул очень чувствительный для Казахстана вопрос международных отношений в этом регионе. Азар уже давно не работает в «meduza.io», перешел в «Новую газету», но сайт по-прежнему заблокирован. В данном случае имеет значение, что «meduza.io» считается либеральным ресурсом и вообще базируется в Прибалтике. Поэтому его блокировка, естественно, не может вызвать противоречий с российскими властями.

В то же время многие российские либеральные авторы критически относятся к политике России, которую они часто называют в том числе и «имперской». Поэтому, кстати, во время последнего конфликта вокруг высказываний российских депутатов, либеральные авторы крайне негативно отнеслись к их словам и вообще ко всей ситуации вокруг идеи постановки вопроса пусть о гипотетических и даже может быть исторических, но все-таки территориальных претензиях к Казахстану.

Однако в России есть также довольно внушительная группа авторов, выступающих с позиции восстановления сильного государства. Часть из них апеллирует к идее восстановления в той или иной форме СССР, другие поддерживают концепцию собирания потерянных земель вокруг собственно России. Эти авторы особенно критически относятся к внешней политике Казахстана, особенно в контексте ее многовекторности. Они считают, что Казахстан должен ориентироваться только на Россию и выступать с ней солидарно на международной арене по всем важным вопросам. Второй предмет их беспокойства связан с внутренней политикой в Казахстане, но в спокойные времена он существует как бы за кадром. В целом следование Казахстана политике евразийской интеграции для них оправдывает все возможные издержки.

В спокойные времена данная группа авторов довольно позитивно относится к Казахстану, главным образом за его роль в евразийской интеграции, но также за его

приверженность концепции сильной центральной власти. Собственно, потому что они поддерживают такую же власть и в самой России и, соответственно, казахстанская им идеологически ближе.

Кроме того, с их точки зрения сам факт существования сильной центральной власти заметно отдаляет Казахстан от условного Запада с его либеральными идеологическими предпочтениями. Им кажется, что как раз это и создает дополнительные основы для еще более тесного сближения Казахстана с Россией. Между прочим, именно поэтому российские авторы из этой группы в обычной обстановке были весьма популярны в Казахстане, потому что они всегда крайне позитивно относились к его властям.

Однако во время острой фазы произошедшего кризиса имени депутата Никонова в казахстанско-российских отношениях авторы из этой категории, в отличие от либералов, оказались настроены довольно критично по отношению к Казахстану. Депутат Федоров это, конечно, такой совсем маргинальный вариант, но и многие другие рассматривали ситуацию в более мягком, но очень похожем направлении.

Так что в декабре 2020 года возник некий парадокс. Либеральные российские авторы в обычной жизни Казахстан критиковали, но в момент кризиса имени Никонова выступили в его поддержку. Напротив, сторонники СССР и сильной России в обычное время Казахстан поддерживали, а в декабре уже относились к нему гораздо более критично.

В то же время симпатии и антипатии отдельных российских авторов не отменяют главного момента, который заключается в том, что в распоряжении России существует очень развитая информационная система, в основном ориентированная на ее противостояние с Западом, но также еще и на поддержание ее имиджа на постсоветском пространстве, что-то вроде проекции мягкой силы. Но самое главное, что, без всякого сомнения, потенциально это очень эффективное и мощное оружие ведения информационных войн.

При этом большое значение имеет то обстоятельство, что российская информационная система охватывает многие постсоветские государства. В тех странах, в которых с Россией конфликтуют, некоторые из российских СМИ просто запрещены, как это сделали в Украине, в других запрещены новостные программы российского телевидения. Между прочим, в этом декабре в Молдове парламент как раз накануне своего роспуска отменил запрет на российские новости, что стало результатом внутривнутриполитического противостояния в этой стране между сторонниками пророссийской и прозападной ориентации. Но в то же время, показательно, что в Азербайджане российский информационный ресурс sputnik.az во время последней азербайджанско-армянской войны в целом поддерживал азербайджанскую сторону. Хотя собственно российские СМИ в основном были проармянскими.

В Казахстане российские СМИ представлены весьма широко, в том числе некоторые из них имеют свои местные аналоги, тот же Первый канал, на котором выступал Никонов. Так что в информационном плане российское влияние здесь очень масштабное. Тем более что многие местные издания и авторы также по многим вопросам ориентируются в основном на Россию, условно говоря, смотрят на мир российскими глазами.

Теоретически все вместе это может представлять собой очень масштабную систему влияния на умонастроения казахстанского общества. Однако это влияние носит скорее опосредованный характер и, в частности, не может создать условий для каких-либо изменений в политическом курсе страны, который остается многовекторным и ориентированным на государственные интересы.

Это как раз и связано с тем, что традиционно отношения между Россией и Казахстаном поддерживаются на уровне центральных вертикалей власти двух стран. Следовательно, все возникающие вопросы здесь решаются в процессе переговоров на этом самом высоком уровне. Поэтому при всей мощи накопленного информационного

потенциала, как в России, так и в Казахстане, российские власти не имели особой возможности его использовать для каких-либо других целей, кроме как поддержки казахстанских властей.

Но все же наличие этого потенциала не могло не сыграть свою роль в системе казахстанско-российских отношений. В частности, Россия мощью своих СМИ всегда поддерживала власти Казахстана во время всех выборов. Немаловажно также, что весьма внушительный по численности пророссийский электорат также всегда голосовал за казахстанскую власть, в том числе потому, что ее поддерживала Россия и официальные власти всегда были за евразийскую интеграцию. Такая интеграция, конечно, не совсем Советский Союз, но все-таки российскую сторону это устраивало, по крайней мере, на начальном этапе.

Однако, понятно, что подобная ситуация с существованием информационного навеса со стороны России в принципе напоминает что-то вроде того самого ружья, которое висит на стене во время первого акта театрального спектакля. Во втором или третьем акте оно, согласно законам драматургии, должно выстрелить. Все-таки если у вас есть возможность оказать влияние, то почему бы этим и не воспользоваться, если для этого, конечно, вдруг возникнут условия.

Понятно, что для эффективного и мирного функционирования такой системы отношений, какая существовала между Россией и Казахстаном нужен был соответствующий по влиянию и авторитету партнер по переговорам на уровне центральной вертикали власти. Потому что если в стране, где существует такой информационный навес, вдруг когда-нибудь начинается процесс ее ослабления, например, в связи с частичной политической либерализацией, то внешние информационные ресурсы автоматически становятся серьезным средством влияния на внутренние политические процессы. Особенно если они вдруг объединены общей задачей и, тем более, единой идеологией, как это имеет место в России.

Тем временем в Казахстане с весны 2019 года произошли весьма значительные изменения, новым президентом стал Касым-Жомарт Токаев. Это предоставило основания для весьма обширной дискуссии о характере власти в Казахстане. К примеру, носит ли власть двойственный характер, или можно говорить о реализации того сценария, который некогда имел место в Китае, когда реальным влиянием пользовался Дэн Сяопин, хотя он и ушел со всех постов.

Но самые интересные процессы происходили в общественном мнении, которое стало активно вовлекаться в обсуждение политических процессов. Кто-то считал, что это начало масштабной либерализации, кто-то увидел в этом популизм, для кого-то возникли возможности, другие увидели риски. В общем система пришла в некоторое движение, составной частью которого стала заметная активизация информационного пространства.

В результате Казахстан столкнулся с той ситуацией, с которой имеет дело любая страна с центральной вертикалью власти в условиях пусть даже ограниченной, но все же либерализации. В стране стали заметно больше дискутировать, высказывания стали несколько более жесткими.

Как и в любой похожей ситуации в других странах с аналогичным опытом сначала активизировались высказывания либерального толка, затем социал-демократического. Социальные вопросы, без сомнения, в общественном мнении оказались в безусловном приоритете, с этим связаны и растущий интерес к социальному популизму практически во всех спектрах общественно-политической мысли, включая и власть, и ее оппонентов. В то же время активизировалось и обсуждение вопросов национального характера.

В любом случае с 2019 года политическая жизнь в Казахстане стала заметно активнее. В самых разных комбинациях стали широко обсуждаться либеральные, социал-демократические и национальные вопросы. Характерной особенностью ситуации стало то, что государство и его представители также ста-

ли активно участвовать в обсуждении всех вопросов.

Так или иначе, но это была уже новая ситуация и для российско-казахстанских отношений. С одной стороны, потому что любая либерализация, даже ограниченная, на постсоветском пространстве традиционно воспринимается российскими властями с подозрением. С другой стороны, любая активизация обсуждения вопросов национальной проблематики оценивается российскими властями не очень позитивно. Это связано главным образом с вопросами идеологии. Современная Россия позиционирует себя в качестве наследника сразу двух централизованных империй – Российской и Советской. В связи с этим любая критика истории этих государств, как в целом, так и в отдельных аспектах, воспринимается как направленная против российских интересов.

Историческая идеология или историческая политика

Характерно, что во многом именно поэтому в том же Казахстане, когда обычно снимали исторические фильмы, всегда старались очень аккуратно обходить историю отношений казахов с Россией, хотя она охватывает как минимум несколько сотен лет. Потому что с идеологической точки зрения гораздо проще снимать фильмы про Томирис или джунгар, особенно про последних. Если же и снимались исторические фильмы, где упоминалась Россия, то обычно про Великую Отечественную войну, которая считается идеологически бесспорным для обоих государств моментом в истории.

В то же время в самой России исторических фильмов про отношения с кочевниками снимается довольно много. Для российской идеологии кочевники — это примерно то же самое, что для казахской идеологии джунгары. Своего рода идеальный враг, борьба с которым была важной частью идентичности. Но особенность ситуации в том, что те кочевники из многовековой непростой истории

отношений России со Степью все-таки имеют прямое отношение ко многим народам, как в самой России – в частности, башкирам, крымским татарам, ногайцам, так и в постсоветских странах – здесь это главным образом казахи.

Однако в рамках российской идеологии проще представить кочевников прошлого как некую абстракцию, которой сегодня уже не существует, а для решения этой задачи надо отделить их от современных народов. Собственно, и в казахской идеологии джунгар точно также воспринимают в качестве весьма абстрактной, уже не существующей силы. Хотя джунгары это одно из исторических названий народа ойратов, а его представители до сих пор проживают в Западной Монголии, в Китае, и в России, здесь их потомками являются калмыки. Однако сегодня это сравнительно небольшие народы, у них нет государства, в связи с этим они находятся как бы за кадром современной исторической идеологии. По крайней мере, их связь с джунгарами известна только историкам.

В то же время казахи сегодня самый крупный из бывших кочевых народов, к тому же, занимающий территории прежнего центра кочевой Евразии. Более того, государство Казахстан играет весьма заметную роль на международной арене. И при этом история казахов напрямую связана своим происхождением с улусом Джучи, известным в истории России как Золотая Орда.

Это представляет определенные сложности для российской исторической идеологии. Потому что с идеологической точки зрения было бы выгоднее игнорировать казахов в качестве прямых наследников Золотой Орды, примерно также, как сами казахи игнорируют калмыков и ойратов в качестве наследников джунгар, но все же это очень непросто. В первую очередь потому, что в Казахстане постоянно и весьма активно обсуждают этот вопрос.

Ситуацию для России несколько облегчает тот факт, что в казахской исторической идеологии слишком много активных сто-

ронников фольклорной истории, которые, например, утверждают, что Чингис-хан был казахом. Это позволяет российской стороне в целом маргинализировать историческое знание Казахстана, не обращать на него внимания. Но на уровне государственной идеологии в России вполне отдают себе отчет в существовании проблемы.

Весьма показательна в связи с этим легкая пикировка, которая произошла между российским президентом Владимиром Путиным и казахстанским первым президентом Нурсултаном Назарбаевым. Сначала президент Путин в августе 2014 года в своем выступлении на озере Селигер заявил, что у Казахстана никогда не было государства. Затем в октябре 2014 президент Назарбаев объявил о праздновании 550-летия Казахского ханства.

Казахское ханство впервые появляется в источниках в качестве самостоятельного государства в 1465 году, отсюда и дата празднования его юбилея в 2015 году. При этом его первые ханы Джанибек и Гирей являются потомками хана Барака, который некоторое время был одним из последних ханов Золотой Орды и в целом они относились к местной правящей династии чингизидов. Характерно, что, когда Барак был ханом Золотой Орды, русские земли еще входили в состав этого государства.

Собственно, в 1465 году Золотая Орда еще существовала в виде так называемой Большой Орды, потеряв свои южные территории, где было создано Крымское ханство, а также восточные территории, где возникли Ногайская Орда, Казанское и Сибирское ханства, а также Казахское ханство. Формально она просуществовала до 1501 года, когда последний хан Большой Орды был убит крымцами и ногайцами. В самой России считается, что власть Золотой Орды завершилась в 1480 году после так называемого стояния на реке Угре.

В любом случае из всех государств, возникших в кочевой степи на руинах Золотой Орды, сегодня независимость имеет только Казахстан, который является несомненным

наследником Казахского ханства XV века, а оно в свою очередь самым непосредственным образом, и по правящей династии, и по населению, связано с Золотой Ордой. В самой России живут наследники Казанского, Крымского, Сибирского ханств, Ногайской Орды, но их немного, и они не слишком заметны, в том числе потому, что несамостоятельны.

Для российской идеологии было бы удобнее, если бы история Казахстана действительно не воспринималась бы в контексте его исторических предшественников – Казахского ханства и Золотой Орды. Поэтому в России настолько активно поддерживают идею об отсутствии исторического казахского государства.

Но здесь есть и еще один момент. В контексте исторической идеологии в современной России хотели бы, чтобы история создания Российской империи не воспринималась бы через завоевание других народов и их колонизацию. В этом смысле для российских идеологов важно подчеркнуть позитивный характер присоединения народов к Российской империи, связать с идеей модернизации, с общей судьбой, с общими корнями. Соответственно, в России и история другой большой империи – Советского Союза, также воспринимается почти исключительно через позитивные моменты – модернизацию, ликвидацию неграмотности, победу в войне и т.д. При этом негативные моменты в истории СССР стараются обходить или игнорировать. Например, в последнее время в России все чаще отрицают многие аспекты репрессий сталинского периода истории СССР.

Для Казахстана такая позиция России выглядит не слишком удобной для его собственной исторической идеологии. Во-первых, все-таки, несомненно, в XIX и начале XX веков Российская империя проводила в Казахской степи именно политику колонизации. По крайней мере, в те годы российские политики и ученые обычно называли вещи своими именами, то есть, именно колонизацией.

Собственно, сокращение числа казахского населения в Северном Казахстане в годы

Российской империи было связано как раз с масштабной крестьянской колонизацией. Особенно этот процесс ускорился в годы реформ премьер-министра Петра Столыпина, а также после строительства Транссибирской железной дороги. Крестьяне из центральной России и Украины прибывали в Казахстан по железной дороге, специальное Переселенческое управление проводило масштабные изъятия земли у кочевников казахов, которые затем передавались русским и украинским крестьянам. При этом казахов оттесняли в отдаленные степные районы, которые не подходили для занятия земледелием. Обычно это происходило как раз в южном направлении.

Земля изымалась и на юге, где большее число казахов занималось земледелием, чем скотоводством. Например, в 1908 году в Семиреченской области Переселенческое управление «предложило разрушить 5100 очагов оседлости с населением более 30 тыс. человек. Такое смещение было намечено в целях получения 250 тыс. десятин удобной земли, достаточной для обеспечения приблизительно 6,5 тыс. переселенческих хозяйств по расчёту 40 десятин на хозяйство»³. Сегодня данная область эта территории Алматинской области Казахстана, а также северной части Кыргызстана.

В обоих случаях изъятия земли, как у кочевников, так и у земледельцев, российские власти действовали согласно вполне колониальной практике того времени. При этом тем, кого выселяли, не предусматривалось никакой компенсации. Потому что все земли были признаны государственной собственностью Российской империи и на этом основании подлежали изъятию в любых необходимых для переселения количествах. Поэтому, к моменту образования СССР на территории Казахстана большое число земель принадлежало именно крестьянам-переселенцам и больше всего их было как раз

на севере, на территориях, которые прилегли к Транссибирской магистрали и были удобны для земледелия.

Во-вторых, для Казахстана отношение к сталинским репрессиям не может быть другим, кроме негативного. В том числе потому, что существенную часть населения составляют потомки тех, кто напрямую пострадал от репрессивной политики государства в годы сталинской модернизации СССР. Это представители многих народов, высланных в Казахстан – немцев, корейцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, турков-месхетинцев. Кроме того, высылали также многих русских и украинских крестьян-кулаков. Это также многие политические заключенные из лагерей Гулага.

Безусловно, жертвами государственной политики были и очень многие казахи, которые погибли во время страшного голода начала 1930-ых годов. Причем, многие прежние кочевые районы в центральном и северном Казахстане обезлюдели именно во время этого голода. Российский историк Виктор Кондрашин писал, что «самым сильным голод был в Казахстане. Только там имело место жуткое зрелище – вымершие «поселки-гиганты» со стройными рядами сотен заброшенных юрт, где лежали одни мертвецы. Такого не было ни на Украине, ни на Северном Кавказе, ни в Приволжье при всех ужасах наступившего там голода и его последствий»⁴.

Как минимум, именно эти два момента являются очень чувствительными для Казахстана и весьма болезненными для большей части его общественного мнения. В том числе поэтому, собственно, слова Никонова были в целом восприняты крайне негативно в обществе Казахстана.

Потому что своими словами Никонов фактически легитимизировал правомерность прежней имперской политики России, начиная от отрицания истории присутствия

³Пален К.К. /Переселенческое дело в Туркестане/ СПб. 2010. С. 50.

⁴Кондрашин В.В. /Голод 1932-1933 годов: Трагедия российской деревни/ М., РОССПЭН. 2008. С. 421-422.

казахских кочевников в районах Северного Казахстана. Причем, казахи, несомненно, имеют отношение к другим тюркоязычным кочевникам, проживавших в степной Евразии многие сотни лет. В любом случае это было много раньше времени появления в этом районе представителей Российского государства.

Когда Никонов говорит, что казахов в Северном Казахстане не было и что эти земли являются подарком Казахстану со стороны России, он исходит из той ситуации, которая сложилась на момент территориального расширения Российской империи и вершины ее могущества. Понятно, что такое расширение любой империи связано с завоеваниями новых территорий и использованием их в своих интересах. Вавилоняне, например, как известно, переселяли евреев. В степном Причерноморье, к примеру, больше не живут кочевники ногайцы. Все это является частью далекой истории.

Для чиновников и военных в те исторические времена военные успехи всегда были предметом гордости. Но в начале XXI века в приличном обществе все-таки не очень принято гордиться имперской политикой прошлого, по крайней мере, не всеми ее известными проявлениями.

Большие маневры

История с высказываниями депутатов Никонова и Федорова обнажила тот обширный пласт исторической проблематики, которая до этого находилась в рамках системы отношений двух центральных систем власти и не выходила за их пределы. Теперь проблемные вопросы оказались в центре внимания широкой общественности. Для политиков с обеих сторон это однозначно не самая простая ситуация, несмотря на то, что у кого-то могут даже появиться некоторые соблазны использовать ситуацию в тактических интересах. Отсюда собственно и происходят различные конспирологические теории произошедших событий.

Но скорее можно сказать, что в данном случае условный исторический джин фактически вырвался из своей бутылки и теперь всем необходимо это учитывать. По крайней мере, политикам все-таки было бы лучше, если бы все осталось по-прежнему и не надо было бы оглядываться на общественное мнение. Например, хотя в отношениях Казахстана и России и возникали разные непростые моменты, но они оставались в пределах системы взаимодействия двух центральных вертикалей власти и не выходили за рамки легкой пикировки.

Когда речь идет об общественном мнении, ситуация сразу становится сложнее. В частности, в случае внезапной активизации антиказахстанской риторики в российских СМИ любой на месте казахстанских властей должен был бы задуматься. Сложность ситуации для них заключалась кроме прочего в том, что они не могли не отдавать себе отчета в той грозной силе, которую представляли собой информационные возможности России. Даже если бы Москва вдруг решила бы использовать только часть своей информационной мощи, то это уже могло бы повлечь тяжелые последствия. Поэтому даже самый лояльный союзник должен был думать о том, почему появился тот или иной материал, что именно могло вызвать неудовольствие влиятельного союзника и партнера по многим союзам.

Проблема также заключалась в том, что было совершенно непонятно, когда речь идет о самостоятельном творчестве либеральных или «имперски» настроенных российских авторов, а когда о государственной политике. Например, в апреле 2019 года вскоре после визита нового президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева в Москву, на популярном российском портале lenta.ru появился весьма жесткий материал по отношению к Казахстану.

Пикантность ситуации тогда заключалась в том, что критический материал был размещен без подписи, которая появилась только через несколько дней. Такое может произойти, когда редакция получает мате-

риал для размещения, но не хочет, чтобы его ассоциировали с ее редакционной политикой. Хотя более привычным способом реагирования редакции было бы поставить псевдоним. Но в lenta.ru в тот раз в апреле 2019 года решили этого не делать.

Соответственно, в Казахстане тогда наверняка должны были задуматься, почему вообще появился такой материал и как он связан с только что произошедшем визитом президента Токаева и связан ли вообще? И опять надо прояснять ситуацию по неформальным каналам взаимодействия.

В данном случае вполне имеет право на существование версия, что таким образом в Москве решили немного надавить на Казахстан, в не очень корректной, но и не слишком активной форме напомнить про свои огромные возможности в информационной области. Вполне может быть, что речь также и шла как раз о том, чтобы казахстанские представители начали прояснять ситуацию по неформальным каналам. То есть, фактически выступали бы в роли обеспокоенной и даже обращающейся с просьбой стороны. Все-таки если вы звоните с вопросом, что же такое произошло, то подразумевается, что вы не хотели бы появления таких материалов.

В ответ всегда можно сказать, что это эксцесс исполнителя, который проявил инициативу, что будет проведена работа и больше этого не повторится. Но осадок то остается, равно как и сделанное в относительно приемлемой форме напоминание, что мощные информационные ресурсы вот они в наличии и теоретически могут быть использованы. В принципе это в определенном смысле выглядит как работа на внешнеполитическом направлении, для которой нужны в том числе и информационные поводы.

В любом случае в Казахстане никто не собирался и не должен был отвечать на такую статью, как и на многие другие. Их всегда

было довольно много, одни были комплиментарные, другие нет, всегда был Жириновский. Так что ситуация была понятная и вполне предсказуемая.

В связи с этим возникает вопрос, так что же произошло в декабре 2020 года? Почему вдруг все так неожиданно изменилось, чем это может нам всем грозить и нужно ли чего-то опасаться? Это очень непростые вопросы, которые имеют большую ценность для общества в обеих странах.

Собственно, высказывание депутата Никонова на телевизионной передаче 10 декабря, скорее всего, все-таки не носило преднамеренного характера, хотелось бы так думать. Никонов явно стремился использовать яркий пример, который бы проиллюстрировал бы его тезисы про распад СССР и счел, что мнение про Северный Казахстан в этом смысле будет уместным.

Тем более, что это в общем находилось в русле тех высказываний, которые до него делались в России на самом высоком уровне. К примеру, 21 июня 2020 года президент России Владимир Путин заявил, что «возникает вопрос: если та или иная республика вошла в состав Советского Союза, но получила в свой багаж огромное количество российских земель, традиционных российских исторических территорий, а потом вдруг решила выйти из состава этого Союза — ну хотя бы тогда выходила с тем, с чем пришла. И не тащила бы с собой подарки от русского народа»⁵. Характерно, что на следующий день 22 июня пресс-секретарь Дмитрия Песков уточнил, что «у России нет территориальных претензий к своим соседям»⁶. Потому что такой вопрос наверняка возник у всех заинтересованных сторон.

В данном случае понятно, что слова российского президента были адресованы скорее Украине и были частью заочной полемики с этой страной и с Западом по проблеме Крыма. Но они не могли не вызвать беспо-

⁵<https://lenta.ru/news/2020/06/21/podarki/>

⁶<https://tass.ru/politika/8786133>

койства и у других бывших советских республик, включая, конечно, и Казахстан. Почти наверняка по неформальным каналам между казахстанской и российской сторонами могли иметь место некоторые консультации по этому поводу.

Обычно то, что происходит в кулуарах, так там и остается. В то время, как выступление российского президента носило публичный характер, что допускало самые разные интерпретации. Вот и Никонов 10 декабря, скорее всего, посчитал, что его мнение в принципе находится в русле того, что 21 июня сказал президент Путин. Правда, российский президент говорил в целом, о некоей абстрактной ситуации без особой конкретизации по странам, хотя все заинтересованные стороны все поняли. Однако Никонов подумал, что он в принципе может позволить себе конкретизацию слов президента Путина, но при этом выбрал не Украину, а Казахстан.

И вот здесь как раз и произошло достаточно неожиданное событие. Казахская сторона ответила и причем сделала это публично. То есть, вместо того, чтобы, согласно прежней практике, обратиться по неформальным каналам и обсудить ситуацию, Казахстан вдруг ответил официально и тем самым возник весьма острый конфликт в публичном пространстве. В любом случае для официальной российской стороны это наверняка стало большой неожиданностью, и в том случае, если Никонов в своем выступлении проявил самостоятельность, и даже в ситуации, если это было не так.

Во-первых, почти наверняка российские власти не видели в произошедшем ничего особенного. В принципе Никонов высказался в духе многих других высказываний российских политиков, например, того же Жириновского. Кроме того, Никонов, конечно, депутат Государственной Думы, фигура важная, но он даже не имеет отношения к комитету по международным делам. Соответственно, он не имеет отношения и к определению внешней политики. Во-вторых, Казахстан обычно не отвечал публично, тем более на официальном уровне, и для Москвы

было неожиданным, почему это произошло теперь.

В-третьих, одно дело приглашение временного поверенного в делах России в Казахстане в казахстанский МИД, хотя само по себе это очень необычно. Но когда практически одновременно появляется еще и письменное заявление депутата сената Казахстана Кул-Мухаммеда, то налицо уже согласованная позиция разных государственных органов. Следовательно, в Казахстане не просто посчитали необходимым официально ответить на слова российского депутата, но сделали это общими усилиями сразу по нескольким ведомствам. С учетом обычных сложностей бюрократического согласования это была очень быстрая реакция государственной системы.

Естественно, сразу возникает вопрос, что, собственно, произошло, почему события пошли по непривычному направлению? Первое, на что стоит обратить внимание, это, конечно, парламентские выборы, которые были запланированы в Казахстане на 10 января 2021 года. Понятно, что для государственной системы Казахстана это очень чувствительный момент. Власти предприняли весьма значительные усилия для организации этих выборов. Причем, что характерно, выборы проводились в ситуации пусть весьма относительной, но все же частичной конкуренции идей с некоторыми элементами публичной дискуссии.

Когда речь идет о конкуренции в общественном пространстве, то неизбежно возникают идеологические моменты. Но так как конкуренция в Казахстане все-таки носит весьма ограниченный и относительно условный характер, то участвующие в ней стороны стараются держаться тех вопросов идеологии, которые имеют отношение главным образом к социально-экономической проблематике. В целом не затрагиваются межгосударственные отношения, то есть не обсуждаются вопросы, связанные с Китаем, Россией, США, по крайней мере, не так, как это было бы характерно для открытой дискуссии. Также не говорится о религии, о

межнациональных отношениях и обо всем том, что может вызвать нежелательное обострение дискуссии в публичном пространстве.

Конечно, для либерально настроенной части населения это не соответствует классическим принципам либеральной демократии. Понятно, что они хотели бы конкуренцию другого порядка. Тем не менее, по сравнению с прежними временами ситуация с дискуссионным фоном в Казахстане явно изменилась, стала более открытой.

В любом случае, власти в Казахстане оказались в несколько менее комфортной ситуации, чем та, которая была в прежние, более спокойные времена. Отсюда их повышенная чувствительность к любым обстоятельствам, которые могут восприниматься в качестве проблемы для проведения выборов.

В такой ситуации естественно, что Россия, которая располагает мощной информационной системой, тот самый информационный навес, о котором говорилось в начале этого доклада, вольно или нет, но фактически становится участником внутриказахстанской политической кухни.

Хотя официальные Москва и Нур-Султан, безусловно, находятся в постоянном контакте друг с другом и в том числе они обсуждали и вопрос выборов. Однако если у вас в распоряжении находится такое мощное информационное оружие, которое может повлиять на многие процессы в другой стране, тогда может возникнуть огромный соблазн попытаться использовать это в своих интересах. Тем более, когда у вас есть здесь частично ориентированный на вас электорат. В конце концов, зачем тогда нужно то самое пресловутое ружье, которое висит себе без дела на стене с самого первого акта из той условной театральной постановки, о которой упоминалось выше по тексту. В то время, когда не может не создаваться впечатление, что возможно уже пришло время второго акта, а может быть, даже и третий на подходе.

Кроме того, Москве почти наверняка могло не понравиться заявление президента Токаева от 19 мая 2020 года о том, что стратегия ЕАЭС не должна затрагивать вопросов государственного суверенитета. 25 мая в интервью газете «Ана тілі» Токаев сказал, что «у Казахстана всегда было свое понимание безопасного мира, свой самобытный стиль в международной дипломатии. Наш Первый Президент Н. Назарбаев сделал ставку на многовекторную, сбалансированную внешнюю политику с упором на стратегическое партнерство, сотрудничество с Россией и региональную интеграцию. Это был правильный выбор. Но ситуация в мире не стоит на месте, меняются геополитические устремления ведущих держав. В этих условиях Казахстан обязан позаботиться о своих национальных интересах. Именно поэтому на саммите ЕАЭС 19 мая я заявил, что интеграция будет поддерживаться нами до того момента, пока она не наносит ущерба суверенитету Казахстана»⁷. Такое заявление противоречит российским идеологическим установкам.

Так или иначе, но российская сторона попыталась публично продемонстрировать свое неудовольствие. Понятно, что речь не шла о каком-то серьезном вмешательстве, для этого нет условий. В России, скорее всего, просто хотели, как это сегодня модно говорить, послать меседж казахстанскому руководству, в том числе напомнить о своих немалых возможностях. Тем более что у них создавалось впечатление о некотором изменении ситуации с вертикалью власти в Казахстане.

Теоретически вполне возможно, что не всех в Москве могло устраивать, что Казахстан продолжает свою многовекторную политику. Тем более на фоне ухудшающихся отношений России с Западом и очевидной для них потребностью в усилении российских позиций на прилегающих территориях. В общем в Москве могли хотеть большей поддержки своей позиции со стороны Казахстана.

⁷<http://anatili.kazgazeta.kz/news/57708>

на, в том числе большей степени интеграции в рамках ЕАЭС.

Кроме того, в любом политическом руководстве, в том числе и в России, всегда есть сторонники более жесткой или более мягкой линии. Так вот первым могло показаться, что выборы в Казахстане это в принципе весьма удобный случай напомнить о своих возможностях и своих желаниях.

В этом смысле очень интересный момент произошел 14 октября 2020 года, когда министр иностранных дел России Сергей Лавров давал интервью российским СМИ по широкому кругу вопросов. И вот уже ближе к завершению большого интервью, практически сразу после того, как Лавров ответил словами из песни юмориста Семена Слепакова «Америка нас не любит», на вопрос про отношения России и США, главный редактор Russia Today Маргарита Симоньян вдруг задала ему вопрос про Казахстан.

«Я хочу спросить про Казахстан и шире, как обычно мы тут делаем. Есть мнение, не знаю, согласны ли вы с ним, и не знаю, согласна ли я с ним сама, поскольку не эксперт по Казахстану. Но некоторые аналитики-эксперты сулят нам в Казахстане противоречия, близкие к тому, что произошло на Украине. Я имею в виду, между этническими русскими на севере и, собственно говоря, Казахстаном как государством. Я это слышала и читала уже в нескольких источниках, от нескольких людей. Я не знаю, так ли это (надеюсь, что нет). Я несколько раз была в Казахстане (правда, очень давно), ничего такого не заметила. Считаете ли вы, что действительно есть такие опасения, замечаете ли вы рост напряжения? И когда мы наконец-то будем делать что-то, чтобы наши соотечественники (я имею в виду в первую очередь этнических русских людей) могли вернуться на родину? Мы говорим об этом много лет, мы что-то бесконечно упрощаем, а воз и ныне там?»⁸.

Сам по себе вопрос одной из самых влиятельных фигур российской пропагандист-

ской системы весьма любопытен. Именно поэтому здесь он приведен в полном виде при всей его сумбурности. Сразу заметно, что вопрос для Симоньян не совсем понятный и, вполне возможно, что не очень приятный. Поэтому, задавая его она была настолько велеречива, поэтому столько уточняющих слов, выделенных в скобки.

Такое происходит, когда человека попросили задать вопрос, а он не то, чтобы не согласен, но понимает, что как-то все не очень красиво получается, вопрос не вытекает из сути интервью. Поэтому журналист хочет сделать, чтобы все было как-то более масштабно, отсюда такой длинный и сумбурный вопрос. Отсюда также и чисто журналистские добавления к изначальной схеме вопроса, когда Симоньян говорит про бюрократию, которая мешает русским приехать на родину. Причем, последняя фраза звучит с таким почти облегчением, вопрос задан, просьба выполнена и можно передохнуть.

Но сама постановка вопроса о возможности появления противоречий между казахстанскими русскими и государством Казахстана явно выходит за пределы компетенции, пусть даже такого высокопоставленного журналиста, как Симоньян. Это уже политический вопрос и задача Симоньян очевидно заключалась в том, чтобы дать Лаврову на него ответить.

Ответ российского министра иностранных дел был показателен хотя бы тем фактом, что он имел отношение к внутренней политике Казахстана. Естественно, что это не относится к компетенции министерства иностранных дел. Тогда возникает вопрос, почему же именно Лавров высказался по этому поводу.

По его мнению, «власти Казахстана прекрасно понимают необходимость укрепления межэтнического согласия, межнационального согласия и обеспечения надёжной территориальной целостности своей страны. И в этом смысле, конечно, учёт интере-

⁸<https://ria.ru/20201014/lavrov-1579692662.html>

сов русскоязычной части граждан Казахстана имеет, наверное, одно из важнейших значений, в том числе в том, что касается преподавания русского языка, поддержания русскоязычного пространства, обеспечения права родителей отдавать своих детей в русскоязычные школы и так далее. Это всё является частью договорённостей в рамках СНГ и в двусторонних документах между Россией и Казахстаном. Это, конечно же, касается и вопроса о том, чтобы русские чувствовали себя вовлечёнными в управление и регионами Казахстана, и в управление государством...»⁹.

Если учесть, что главная тематика интервью была связана с внешнеполитической проблематикой и действиями России на этом направлении, то данное высказывание министра Лаврова явно не совсем к месту. Особенно, когда он говорит об «управлении регионами Казахстана», тем более в контексте вопроса о «надёжной территориальной целостности». В принципе в обычных условиях такое заявление российского официального лица может быть расценено и как вмешательство во внутренние дела, и как не очень дружественное заявление, явно не подобающее сложившейся ситуации. Тем более что оно было сделано как раз накануне принятия 21 октября 2020 года решения о чрезвычайно важных выборах в мажилис Казахстана.

Но в Казахстане предпочли не заметить данного интервью министра Лаврова, в том числе потому, что на повестке дня стояли парламентские выборы. Но и в целом, скорее всего, казахстанские власти предпочли задействовать проверенные временем механизмы неформальных консультаций с представителями России. В принципе было вполне логично задать вопрос, с чем, собственно связано такое высказывание министра иностранных дел в адрес Казахстана, что он имел в виду и чего добивался? Можно допустить, что такой разговор наверня-

ка состоялся и, более чем вероятно, что он был не слишком приятным. Если предположить, что Лавров озвучил часть требований Москвы к Нур-Султану, то почти наверняка были и другие.

Например, в том же интервью от 14 октября Лавров еще раз упомянул Казахстан в контексте работы российских СМИ в нашей стране и выразил надежду, что все вопросы будут решены. Возможно, что были и другие моменты. В частности, возможно, что не случайно Лавров говорил о кадрах, «чтобы русские чувствовали себя вовлеченными в управление и регионами, и государством»¹⁰.

Может быть, в данном контексте он имел в виду вполне конкретные назначения. Характерно, что 13 октября 2020 года было объявлено, что советником председателя правления Евразийского банка развития стал бывший руководитель Национального банка Казахстана Григорий Марченко. В связи с тем, что штаб-квартира ЕАБР находится в Алматы, это не может быть не интересным, хотя, скорее всего, это просто совпадение.

В любом случае теперь понятно, что казахстанские власти по тем или иным причинам, но все-таки не устроил произошедший в кулуарах диалог с российской стороной. Наверняка, Казахстан был готов идти навстречу по каким-то вопросам. Но очень похоже, что в общей совокупности вопросов оказалось слишком много и по некоторым из них государство никак не могло уступить.

Но выборы-то в мажилис все равно были назначены, подготовка к ним была в полном разгаре. Естественно, что казахстанские власти находились в достаточно непростом положении. Им нужно было проводить выборы, для этого необходима была поддержка, в том числе со стороны СМИ. Понятно, что они не могли не игнорировать и мощный российский информационный навес.

Скорее всего, казахстанские власти старались проявлять гибкость, в том числе в духе

⁹Там же.

¹⁰Там же.

многовекторной политики. Но как раз это, вероятнее всего, и не устраивало российскую сторону. Между прочим, возможно, именно поэтому такие жесткие слова в адрес Казахстана сказал министр иностранных дел России. Все-таки когда о внутренней политике соседней страны говорит министр иностранных дел, то появляются основания подумать, что предметом дискуссии или, другими словами, ценой вопроса российской поддержки на выборах, может быть либо отказ от многовекторной политики Казахстана, либо внесение в нее самых серьезных корректив в пользу России. Если на секунду допустить такой вариант развития событий, то очевидно, что в таком случае Казахстан очень близко подошел к тому, что можно считать своего рода красной чертой, которую государство не может перейти.

При этом интересные информационные поводы продолжали периодически появляться. Очень любопытным была вышедшая 11 ноября 2020 года статья бывшего премьер-министра Казахстана, бывшего посла в России Имангали Тасмагамбетова. Одним из тезисов этой статьи было выраженное им сомнение по поводу перехода на латинский алфавит. Он сказал, что «сейчас время гнаться за знаниями, а не за буквами»¹¹.

Указанный тезис как минимум противоречит существующей сегодня политике государства в Казахстане. Напомним, что в октябре 2017 года первым президентом Нурсултаном Назарбаевым был подписан указ о переходе на латиницу в период до 2025 года. При этом в Казахстане в целом в обществе существует определенный консенсус относительно вопроса о переходе на латиницу, особенно среди молодежи. В этой ситуации с Тасмагамбетовым характерно не только то, что он стал первым из масштабных фигур в политической жизни Казахстана, пусть даже сегодня он не занимает никаких постов, кто выступил против латиницы. Более интерес-

но, что в этом вопросе он выступил солидарно с многими представителями российского общественного мнения. Официально власти России занимают позицию, что это внутреннее дело Казахстана, но общественное мнение и некоторые политики настроены более решительно. В этой непростой ситуации выраженное Тасмагамбетовым сомнение по поводу латиницы автоматически выглядит очень любопытным, особенно в контексте последней занимаемой им официальной должности посла Казахстана в России, а также с точки зрения выбора момента для такого заявления.

В то же время 4 декабря 2020 года премьер-министр России Михаил Мишустин на Первом Евразийском конгрессе высказался за то, чтобы в ЕАЭС ввели так называемую пятую свободу – свободу движения информации. Если учесть, что об этом говорил в своем интервью еще и министр Лавров, то налицо ярко выраженное стремление российской стороны усилить свое информационное присутствие в ЕАЭС в целом и в Казахстане, в частности. Понятно, что казахстанские СМИ не будут создаваться в России, а вот российские СМИ в Казахстане могут стать еще более влиятельными. Тем более, если учитывать мощь российской пропаганды и ее возможности. Так что пятая свобода в рамках ЕАЭС это одностороннее движение и может отвечать только российским интересам.

Напомним, что в Молдове сейчас происходит конфликт между местными политиками по поводу права трансляции российских информационных программ. Проигравший выборы президент Игорь Додон провел через подконтрольный ему парламент решение, которое отменяет закон 2017 года, ограничивающий вещание российских информационных, аналитических и военных программ.

Понятно, что в Казахстане невозможно представить что-то подобное молдавским событиям. Тем не менее, российская сторо-

¹¹<https://qazaqadabiet.kz/26918/iman-ali-tasma-ambetov-lihan-b-kejhanny-lt-a-ymet-etu-bilimnen-emes-minezden-degenly-s-zi-ltty-ran-a-ajnaluy-kerek>

на может хотеть подстраховаться и вывести гарантии вопроса о свободе информации на межгосударственный уровень – в формат ЕАЭС. В том числе потому, что при централизации власти информационные возможности сложно использовать. Они вроде бы есть, а вроде и нет. Получение дополнительных гарантий Москве явно бы не помешало.

Конечно, все это только предположения. Мы можем только догадываться, что происходит на неформальном уровне общения между казахстанскими и российскими властями. Но если Казахстан в итоге все-таки решил ответить на очередной инцидент, на этот раз 10 декабря 2020 года с депутатом Никоновым, то ситуация там явно была очень непростой.

Испытание на прочность

Собственно, понятно, что реакцию казахстанской стороны на высказывание Вячеслава Никонова необходимо рассматривать в общем контексте взаимоотношений между двумя странами. В обычной ситуации государство явно предпочло бы не обращать внимания на не такой уж и значимый инцидент. Никонов не был первым и явно не станет последним из российских политиков, которые высказываются подобным образом с условной имперской точки зрения по отношению к странам, народы которых когда-то входили в состав Российской и Советской империй.

Но казахстанские власти все-таки считали, что у них уже нет другого варианта, кроме как обозначить свою позицию. В этом контексте все должности Никонова, особенно его положение председателя комитета Государственной Думы, приобретают принципиально другое значение. То есть, он человек, без сомнения, государственный, но при этом занимает не слишком значительный пост. Например, ни в коем случае ни такая фигура, как министр иностранных дел.

В то же время, он достаточная государственная персона для того, чтобы заслужить соответствующую реакцию со стороны госу-

дарственных органов Казахстана, на уровне нашего министерства иностранных дел. Но при этом не спровоцировать слишком грандиозного скандала.

Между прочим, показательно, насколько грамотно в данном случае сработало наше министерство иностранных дел. Заместитель министра иностранных дел Марат Сыздыков пригласил временного поверенного в делах в России Комарова. Потому что посол России в Казахстане Алексей Бородавкин был в отъезде. То есть уровень возможного скандала был сразу понижен на одну ступень.

Стоит отметить, что посол Бородавкин весьма значительная фигура в российском МИДе. Но самым интересным фактом его биографии является то, что он учился в МГИМО с китайским языком практически в то же самое время, когда там учился Касым-Жомарт Токаев. Между ними было два года разницы. Кроме того, Алексей Бородавкин работал постоянным представителем России при ООН в Женеве с 2011 по 2018 годы. Известно, что с 2011 по 2013 годы руководителем отделения ООН в Женеве был Касым-Жомарт Токаев. Так удачно получилось, что именно Бородавкин стал послом России в Казахстане в 2018 году, за год до того момента, когда Токаев стал президентом Казахстана.

Понятно, что Бородавкин относится к высшему эшелону руководителей российской дипломатии, все-таки 7 лет на посту посла при ООН в Женеве. Его назначение прямо с этой позиции в Казахстан подчеркивает значение, которое нашей стране придают в Москве. Поэтому если бы в наш МИД в связи с историей с Никоновым вызвали бы его, то это уже был бы гораздо более серьезный дипломатический скандал. Все-таки послы великих держав в сравнительно небольших странах обычно рассматриваются как особенно серьезные фигуры. В той же России, к примеру, часто пишут, что политику Украины фактически определяют в американском посольстве.

А так, в дипломатическом плане скандал получился весьма серьезный, но не настоль-

ко, чтобы вызвать необходимость выяснения отношений на межгосударственном уровне. Конечно, все произошедшее наверняка шокировало официальную Москву, но оставляло возможность сделать вид, что ничего не произошло.

Тонкость ситуации заключалась в том, что российским официальным лицам, даже в МИДе необходимо было получить одобрение на любые ответные действия, в том числе на пределы возможной реакции. Это типичная ситуация для государств с централизованной системой управления. Здесь обычно есть заданные программы действий, которые могут быть весьма эффективны. В связи с этим можно вспомнить работу той же российской пропаганды. Но любое неожиданное изменение привычной ситуации ставит такую систему в тупик. Нужно время, чтобы согласовать те или иные действия, слова, поступки и довести их до исполнителей. Быстрая реакция в рамках предоставленных ранее полномочий исполнителю это не совсем центральную вертикаль власти.

Поэтому реакция российских властей была несколько неопределенной. Это было напрямую связано не столько с неожиданностью произошедшего, сколько с тем, что на такой случай у них вообще не было плана действий. Хотя в целом в отношении Казахстана какой-то план наверняка есть, попытки его реализации мы можем наблюдать хотя бы в тех же высказываниях министра Лаврова. Но вот плана на случай, если вдруг казахстанская сторона публично выражает с чем-то несогласие, вот такого плана скорее всего не было. Поэтому реакция была не слишком отчетливой. Потому что Москва явно не хотела публичного скандала. Немаловажно также, что в России сегодня не слишком хорошо понимают расстановку сил в Казахстане и движущие силы тех или иных решений.

В итоге официальной реакции практически не было. Первый заместитель председателя профильного комитета Государ-

ственной Думы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Виктор Водолацкий сказал, что «Российская Федерация признает суверенитет Республики Казахстан в тех границах, в которых она существует. Самое главное, что для нас Казахстан – это дружеское государство, с которым у нас очень много подписано соглашений, договоров. Поэтому я думаю, что этот конфликт будет улажен, а то, что произошло во время обсуждения с политологами, интерпретировать можно по-разному». По его мнению, «Вячеслав Алексеевич [Никонов] не подразумевал, что могут возникнуть какие-то последствия» из-за обсуждения вопросов истории. Я думаю, инцидент будет исчерпан¹². Та должность, которую занимает Водолацкий, не слишком значительная в масштабе Государственной Думы и это тоже важная деталь, чтобы не придавать какому-то особого значения этому инциденту.

Сам Никонов в своем телеграмм-канале написал, «полагаю, что интересы Казахстана были в полной мере соблюдены при определении границ Казахской ССР, ставших границами Республики Казахстан. Именно об этом я и сказал в передаче «Большая игра»¹³. Понятно, что Никонов должен был как-то отреагировать, но он фактически ушел от сути вопроса.

Очевидно, что он никак не ожидал такого поворота событий после своего высказывания. Но сам факт того, что он оказался в самом центре грандиозного международного скандала, не оставлял ему другого варианта. Продолжать скандалить дальше он не мог, все-таки он системный человек. Понятно, что России конфликт не нужен и Никонов этот факт обязательно учитывает, если не считать, конечно, вероятным получение им соответствующей рекомендации не обострять ситуацию. Но и как-то пытаться объяснить он тоже не хотел, потому что это выглядело бы либо извинением, либо продолжением дискуссии. Любая форма изви-

¹²<https://tass.ru/politika/10242407>

¹³<https://tass.ru/politika/10241397>

нения была бы для Никонова неприемлема с учетом его историко-идеологической позиции, а также с отношением в современной России к истории Российской империи и Советского Союза. В то время как продолжение дискуссии в духе программы «Большая игра» от 10 декабря не отвечало интересам России, по крайней мере, в данной конкретной ситуации.

Официальную позицию России представил пресс-секретарь президента Владимира Путина Дмитрий Песков. «По конституции Российской Федерации внешнюю политику страны определяет президент»¹⁴. Собственно, эта фраза отражает не только стремление российских властей закрыть тему с этим конфликтом, но также делает акцент на формате организации центральной власти в России. Соответственно, российская сторона хочет сказать, что не стоит обращать внимания на депутатов Никонова и Федорова. В то же время Песков фактически призывает казахстанские власти разговаривать о межгосударственных отношениях с центром политической власти без привлечения общественного мнения с обеих сторон.

Тем не менее, 17 декабря во время трансляции пресс-конференции российского президента Владимира Путина в той же самой студии Первого российского канала, где 10 декабря был эфир «Большой игры» Никонов был одним из главных комментаторов. Само по себе это весьма символично. Это выглядело как демонстрация доверия к Никонову. В то же время это было проявление очевидного несогласия со всей прозвучавшей критикой в его адрес, может быть не по существу вопроса, а, скорее, по самому факту ее появления.

Но это было все-таки слишком завуалированным посланием, если, конечно, оно таковым вообще являлось. Может быть Никонов изначально планировался в качестве спикера и Первый канал не видел оснований

для того, чтобы вносить коррективы в свою программу. Но гораздо более интересным событием этих бурных декабрьских дней была статья главы Евразийского аналитического клуба Никиты Мендковича. Статья под названием «Перешли границы: как фраза о советском прошлом может рассорить Казахстан и Россию», появилась на lenta.ru 19 декабря в 00-01 утра.

Статья была максимально жесткой по своему содержанию, в ней был сформулирован целый ряд претензий к Казахстану. В этом смысле она была выдержана вполне в духе информационной войны. С самого начала автор задает тон всему написанному им материалу. «Нагнетание истерии вокруг заявления российского депутата Никонова можно расценить как сигнал националистам и Западу. Радикалам демонстрируется борьба с посягательствами на национальную гордость, а США получают сигнал о том, что и действующий режим может дистанцироваться от Москвы»¹⁵.

В данном случае тезис о «нагнетании истерии» рассматривается не столько как антироссийское действие, сколько как проамериканское. При этом американцы упоминаются вместе с «радикальными националистами». Этот тезис автор будет активно использовать дальше по тексту. То есть критика со стороны Казахстана в адрес Никонова за исторический экскурс сразу же позиционируется как фактор того, что казахстанская внешняя политика может вроде бы как начала дрейфовать от России к США.

Выше по тексту упоминалось, чего теоретически могла бы хотеть Россия от Казахстана. Среди многих моментов, несомненно, выделяется вопрос о большей степени сближения внешней политики нашей страны с российскими интересами, их согласованности друг с другом. В этом смысле в России обычно не слишком приветствуют многовекторную политику Казахстана. Очень показав

¹⁴<https://kaztag.kz/ru/news/kreml-prokomentiroval-napadki-deputatov-gosdumy-na-kazakhstan>

¹⁵Перешли границы. Как фраза о советском прошлом может рассорить Казахстан и Россию. <https://lenta.ru/articles/2020/12/19/kazah/>

тельно в этом смысле мнение российского автора Геннадия Чуфрина. «Признавая право своих партнеров на проведение суверенной внешней политики, Москва вместе с тем не может игнорировать того, что реализация ими такой политики, основанной на принципах «многовекторности», на практике нередко не только не учитывает национальные интересы РФ, но и прямо им противоречит»¹⁶. Вот и Мендкович в контексте истории с Никоновым озвучивает тезис о главных опасениях российских властей по поводу внешней политики Казахстана, что она станет более американо-ориентированной.

Другой важный момент в статье Мендковича связан с общественным мнением Казахстана. По его утверждению, «прозападные националисты составляют в Казахстане меньшинство и у них довольно скромная аудитория. Почти две трети населения республики придерживаются пророссийских взглядов, больше половины считают, что контакты с Вашингтоном надо сократить или вовсе прервать»¹⁷. По его словам, пророссийские взгляды отмечают у 74% казахстанцев, 64,5% хотели бы сократить контакты с США и 27% выступают за их углубление.

В первую очередь стоит обратить внимание на термин «прозападные националисты». То есть, Мендкович полагает, что если кто-то критикует позицию Никонова и Федорова, то он априори националист, при этом все они могут быть только прозападными. Здесь логика опирается на упрощенную концепцию, что «тот, кто не с нами, тот против нас».

Такая точка зрения не учитывает всей возможной палитры политических взглядов, которая существует в любом обществе, даже с центральной вертикалью власти. Здесь есть и либералы, и сторонники левых взглядов, и те, кто ориентирован преимущественно на национальные интересы, и традицио-

налисты. В принципе могут существовать и «либеральные националисты», таких мы видели в начале 1990-ых в процессе хаотичной либерализации при развале СССР.

Но все же это скорее не про бывшую Советскую Азию. Национально-ориентированные либералы это все же больше про европейскую часть бывшего СССР. Например, это характерно для современной Беларуси, где происходят сложные процессы поиска национальной идентичности на фоне борьбы за либеральные ценности.

Мендкович просто хочет сформировать образ существования в Казахстане сравнительно небольшой группы людей, которых он определяет, как «прозападных националистов» и пытается таким образом маргинализировать их. В противовес этим людям он противопоставляет других, которых большинство и, которые, по его мнению, относятся не слишком хорошо к США, и соответственно придерживаются пророссийских взглядов. Автор все время пытается поместить людей в такую систему противопоставления. Если ты пророссийских взглядов, то ты автоматически против США и, соответственно, наоборот.

В данном контексте интересно другое. Здесь фактически утверждается, что именно Россия влияет на умонастроения тех, кто, по мнению автора, придерживается пророссийских взглядов. То есть, речь идет о таком максимально прозрачном намеке на то, что в Казахстане, собственно, все зависит от позиции Москвы, если, конечно, согласиться с мнением, что 74% населения придерживаются пророссийских взглядов.

Далее Мендкович развивает эту мысль. «Пророссийский электорат обычно поддерживает власть, так как Казахстан входит в ЕАЭС и ОДКБ, и, несмотря на неприятные инциденты, обычно сотрудничает с Россией на условиях взаимной выгоды. Но нужно

¹⁶Чуфрин Г. Внешнеполитическая стратегия постсоветских стран: теоретические аспекты. // Россия и новые государства Евразии. № 1. ИМЭМО РАН. М., 2018. С. 22.

¹⁷Перешли границы. Как фраза о советском прошлом может рассорить Казахстан и Россию. <https://lenta.ru/articles/2020/12/19/kazah/>

понимать, что националистическая часть населения республики и политической элиты настроена более агрессивно, чем пророссийское большинство»¹⁸. Это уже весьма недвусмысленный намек на то, что электоральная поддержка властей в Казахстане зависит от тех, кто в своих предпочтениях ориентируется на Россию, напомним, что по мнению Мендковича их 74%. Прямо накануне выборов в казахстанский мажилис это заявление выглядело весьма интригующим, пусть оно даже появилось за подписью всего лишь некоего малоизвестного аналитика.

В принципе автору этой статьи было важно донести до аудитории, в большей степени в Казахстане, мысль о весьма значительных возможностях России влиять на умонастроения казахстанских граждан. Соответственно, казахстанская аудитория, как население, так и представители власти, теоретически должна была начать учитывать данное обстоятельство. В определенной степени, это можно даже трактовать, как предупреждение.

Конечно, открыто такое не скажешь. Но если использовать статью не слишком известного автора, то он же может всякое себе позволить. Например, такую фразу. «Теперь МИД Казахстана своим резким заявлением, которое ожидаемо спровоцировало антироссийские настроения, дает повод российской стороне обратиться к проблемным аспектам межгосударственных отношений. Достаточно напомнить, например, военные биологические лаборатории США в Казахстане, которые уже давно вызывают беспокойство России, но до сих пор не закрыты, несмотря на обещания казахских властей. И такое напоминание перед грядущими выборами едва ли воодушевит пророссийски настроенное большинство на поддержку действующей власти»¹⁹.

То есть, 19 декабря 2020 года российский автор пишет о том, что невыполнение неких обязательств Казахстана перед Россией может повлиять на выбор тех, кого он называет пророссийским электоратом, охватыва-

ющим чуть ли не две трети казахстанского населения. Заметим, что статья появилась всего за 20 дней до выборов в мажилис Казахстана. Понятно, что это маргинальное мнение, но при этом сформулировано предельно четко и очень конкретно.

В данном случае значение имеет то обстоятельство, насколько на самом деле велико российское влияние на умонастроения казахстанских граждан? Действительно ли 74% электората можно считать пророссийским? Потому что, если это вдруг действительно так, тогда, во-первых, воздействие на умы российских СМИ действительно чрезвычайно эффективно, а во-вторых, получается, что идентичность казахстанского населения все же больше ориентировано на Россию, а не на независимый Казахстан.

Однако любой, кто более или менее в курсе казахстанской реальности, знает, что уровень патриотизма в значительной части общества весьма высок, особенно среди молодежи. Конечно, есть много тех, кто разделяет позиции российских идеологов. Например, таких много среди тех, кто ностальгирует об СССР, но их точно не большинство.

И дело здесь не только в той ситуации, которую очень образно обрисовал казахстанский оппозиционный политик Виктор Ковтуновский. «В моей информационной ленте много негодования по поводу неясной позиции казахстанцев не титульного происхождения. Это тот случай, когда наше молчание воспринимается как согласие. Более того – солидарность с высказываниями провокаторов. Как один из «русскоязычных» хотел бы объяснить такое поведение своих соплеменников. Не оправдать, а объяснить, хочу подчеркнуть это особо. Молчащих можно разделить на несколько категорий, о пропорциях которых судить не берусь. Одни, действительно, вполне разделяют «доктрину Путина». Они считают, что Российская империя – Советский Союз несли казахам и прочим «отсталым инородцам» только про-

¹⁸Там же.

¹⁹Там же.

свещение, прогресс и процветание. Публично высказываться не решаются, но на кухнях с восторгом мусолят услышанное. Другие дистанцируются от хайпа по принципу «не буди лиха». Ни северного медведя, ни степного волка»²⁰.

Но дело также в том, что в казахстанском обществе многие городские жители, безотносительно этнической принадлежности, ориентируются на либеральные ценности. Есть также те, кто поддерживает концепцию тюркского единства. Поэтому они выступали за Азербайджан в последней карабахской войне. В общем, палитра разных позиций в области идеологии весьма многообразна и далеко не все они ориентируются только на российскую точку зрения.

В любом случае патриотические настроения в большей части казахстанского общества, безусловно, преобладают. Они являются прямым следствием развития процессов оформления собственной идентичности. Теперь это не только идентичность на этнической основе, которая свойственна любому обществу. К этому добавилась еще и государственная идентичность, сформированная за 30 лет независимости.

По большому счету, никакой мощи российской пропаганды, весьма все-таки прямолинейной в отстаивании собственного понимания всего, что происходит вокруг России, не хватит, чтобы переломить эту тенденцию. Не получится также ее маргинализировать, в том числе используя термины «прозападные националисты» или просто националисты. В бывшем СССР такие определения обычно воспринимаются негативно. Но когда речь идет об идентичности, весьма непросто повесить на всех ее носителей ярлык «националистов». В таком случае люди вроде Мендковича не будут считать националистами разве что Ермека Тайчибекова. Его он тоже упомянул в своей статье, «арестован акти-

вист Ермек Тайчибеков за призывы к объединению с Россией и критику национальной политики Казахстана»²¹.

Очевидно, что нельзя бороться за умонастроения, в частности, казахского населения, фактически отрицая при этом его государственность и его историю. Примерно так, как это делает Мендкович в своей статье. По его словам, «в Казахстане бытуют разные представления о предшественниках современного государства. В этом смысле упоминают и Золотую Орду, в особенности так называемое Казахское ханство, 550-летие которого даже праздновалось в республике в 2015 году. Но, к сожалению, нет полной ясности, кем же были те древние казахи. Некоторые исследователи указывают, что слово «казах» означало «вольный» или «кочевник». Известно, что под этим названием фигурировали в свое время, например, кумыки»²².

В этом смысле стоит отметить, что вся накопленная мощь российской пропаганды фактически ориентирована на тех, кто и так разделяет все пропагандируемые ею ценности. Но на всех остальных это не производит нужного эффекта. Потому что идеи преемственности по отношению к Российской империи и Советскому Союзу, восстановления мощи российского государства, а также противостояния США отвечают больше настроениям части населения внутри самой России. Однако с такой программой все-таки сложно идти к соседям.

Между прочим, несмотря на весь пафос статьи Мендковича, все-таки она была всего лишь одна из составных частей той небольшой информационной войны, которая разгорелась между Казахстаном и Россией в декабре после высказывания Никонова. К этой же категории можно отнести и высказывание министра иностранных дел Казахстана Мухтара Тлеуберды, сделанное им 23 декабря в казахстанском Мажилисе. «Я бы отве-

²⁰<https://kaztag.kz/ru/news/kovtunovskiy-o-reaktsii-ne-kazakhov-na-nikonova-i-fedorova-nashe-molchanie-sochtut-soglasiem>

²¹Перешли границы. Как фраза о советском прошлом может рассорить Казахстан и Россию. <https://lenta.ru/articles/2020/12/19/kazah/>

²²Там же

тил на это высказывание (слова Никонова) на русском языке следующим образом: это бред сивой кобылы. Как министр иностранных дел, я хотел бы сказать, что, безусловно, это не соответствует официальной позиции Российской Федерации»²³.

Понятно, что такое высказывание для министра не слишком дипломатично и прозвучало довольно странно. Это, наверное, можно объяснить только большим неудовольствием казахстанской стороны отдельными моментами того, как развивалась история со словами Никонова. Может это как раз и была статья Мендковича на lenta.ru, а может быть что-то еще. Тем не менее, выступление министра Тлеуберды показательным тем, что в нем он пытался отделить слова российского депутата от официальной политики России.

По сути, министр Тлеуберды стремился маргинализировать Никонова, а также, соответственно, Федорова, Мендковича, оттеснить их на условную периферию приличного общества, одновременно подчеркнув, что во внешней политике у Казахстана с Россией хорошие отношения. Характерно, что несколь-

кими днями ранее, 20 декабря, во время программы «Большая неделя» на телеканале Хабар ведущий Дмитрий Олейников весьма активно пытался помешать высказаться российскому журналисту Максиму Шевченко, особенно когда он хотел процитировать упомянутые выше слова президента России Владимира Путина о тех республиках, которые выходили из СССР с подарками от России. После эфира в общественном мнении возник даже небольшой скандал вокруг поведения Олейникова. Но, вполне очевидно, что ведущий программы, которая идет в прямом эфире, должен получать определенные указания. Скажем так, руководству канала нужно было смикшировать конфликт, с тем, чтобы власти могли выйти из него с минимальными потерями.

Как бы то ни было, но слова министра Тлеуберды о «бреде сивой кобылы» в целом стали символическим завершением именно этой истории. Мы не знаем, будут ли другие подобные истории, но эта была завершена, потому что дальнейшее выяснение отношений явно не отвечало интересам властей обеих стран.

²³https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/bred-sivoy-kobyilyi-glava-mid-kazahstana-slovah-rossiyskih-423892/

Вместо заключения

В декабре в Казахстане готовились к выборам, у России не было намерения напрямую в них участвовать. Скорее было желание несколько улучшить свои тактические позиции, воспользовавшись повышенной чувствительностью казахстанской стороны к проведению выборов и попытавшись настоять на своих приоритетах. Но Казахстан перешел в публичный формат, ответив на высказывание Никонова, что было совершенно неожиданно для России и для всех сторонних наблюдателей. Скорее всего, отчасти это застало Россию врасплох. Она не была готова на самом деле использовать свой мощный информационный потенциал. В том числе потому, что для этого не было очевидной цели. Пока в стране сильная центральная власть, как в Казахстане и, собственно, в самой России, любые организованные извне информационные войны не имеют особого практического смысла.

Информационный потенциал обычно более эффективен в условиях либерализации. Но сама по себе либерализация не отвечает интересам России. Поэтому возникает такой парадокс. Россия против либерализации в целом, в частности, против либерализации в соседних странах. В то же время либерализация дает возможность задействовать близкий к ней электорат, а также использовать информационные ресурсы. Вот и думай, что для тебя лучше в такой неоднозначной ситуации.

Поэтому для обеих сторон было логичнее перейти к прежнему формату взаимоотношений, который происходил на уровне центральных вертикалей власти без привлечения широкой общественности. Потому что публичное обсуждение сразу вызывает напряжение, которое все-таки не нужно ни самим властям, ни консервативно настроенной части общественности двух стран.

Но осадок-то остался. Поэтому каждая страна будет сейчас стремиться провести работу над ошибками, понять, где у них сла-

бые стороны. Очевидно, что для Казахстана такая работа должна быть проведена в области информации, потому что российский информационный навес, собственно, никуда не делся. И вопрос здесь не в каком-то особом контроле, что соответствует духу обычной бюрократической работы. Вопрос заключается в казахстанском контенте. Его качество, что важнее, количество, теоретически должно быть главным приоритетом построения информационной политики, чтобы не нужно было потом выпускать министра иностранных дел с «бредом сивой кобылы».

Ну и, конечно, на повестке дня стоит вопрос об истории, раз уж конфликт имени Никонова начался именно на исторической почве. Но при этом избежать стремления к мобилизации широких исторических масс для противостояния «супостату». Потому что государству всегда больше нужна пропаганда и желательно в кратчайшие сроки.

В этой связи стоит привести мнение российского историка Леонида Кацвы, который на страницах журнала «Дилетант» оппонировал бывшему министру культуры России Владимиру Мединскому. «История для Мединского не наука, не поиск истины, а просто средство пропаганды. Поэтому он и призывает не исследовать, не изучать, а «насаждать», и «продавливать». Но мы все-таки живем в цивилизованном XXI столетии, когда утверждение «ты виноват лишь тем, что хочется мне кушать», считается не вполне приличным»²⁴.

Собственно, высказывания Никонова, Федорова, Жириновского и многих других в отношении исторических вопросов апеллируют к имперскому прошлому России. При всем уважении сегодня это явный анахронизм из давних времен, когда колониальная политика была еще нормальным явлением, и если ты, к примеру, хотел «скушать» ту или иную территорию, то это приносило тебе много дивидендов. Все-таки сегодня это уже не совсем так.

²⁴Кацва Л. Клио на баррикадах. // Дилетант. (Москва). № 61. Январь 2021. С. 9.

Но историей надо заниматься. В этом смысле весьма показательна статья президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева, опубликованная 6 января 2021 года в газете «Егемен Қазақстан» под названием «Независимость превыше всего». Ключевым тезисом статьи стало высказывание, что «каждый народ должен сам писать свою историю, не поддаваясь влиянию чуждой идеологии. История, написанная с позиций национальных интересов, способствует пробуждению национального самосознания»²⁵.

В данном случае вполне очевидно, на что намекает президент Токаев. Далее по тексту он высказался еще более конкретно. «Наша священная земля, унаследованная от предков, – наше главное богатство. Она не была нам «подарена» кем-либо. Отечественная история началась не в 1991-м или 1936 годах. Наши предки жили здесь во времена Казахского ханства, в эпоху Золотой Орды, Тюркского каганата, гуннов, саков. Другими словами, корни нашей национальной истории уходят далеко в глубь времен. Историей должны заниматься историки, а не политики»²⁶.

Собственно, один результат из декабрьской истории с Никоновым вполне очевиден. Этот маленький инцидент обозначил проблему и это стало стимулом, в том числе к развитию и истории, и информационного рынка в Казахстане. Это критически важно для идентичности, для информационной безопасности. Но точно также это имеет большое значение для того, чтобы в следующий раз, хотя лучше, пусть его не будет, вести диалог на качественном уровне.

Потому что профессионализм и качество работы с информацией, в том числе исторической, лучшее средство против маргинализации любой дискуссии. Хотя бы для того, чтобы заявления, вроде тех, которые сделали Никонов и Федоров, а также статья, которую написал Мендкович, сразу воспринимались как маргинальные и не было бы необходимости на них реагировать. Гораздо лучше слу-

шать профессиональных историков, в России их очень много. По крайней мере, по истории Казахстана в России за последние два десятилетия издано может быть больше качественных работ, чем в самом Казахстане.

В любом случае ни в каком виде конфликт невыгоден ни Казахстану, ни России. И дело не только в дежурной фразе про стратегически выгодное партнерство. По сути, для Казахстана единственно возможный вариант его развития связан с продолжением многовекторной политики.

Когда ты находишься в центре континента между великими державами Китаем, Россией и США только многовекторная политика может гарантировать относительную независимость. А для ее проведения необходимы все три участника новой Большой игры. Если вы поссоритесь с кем-то одним из них, это автоматически сокращает ваши возможности для маневра. Этого ни в коем случае нельзя допускать.

Но еще один тезис может показаться очень спорным, особенно сторонникам либеральной повестки дня. Для выживания в такой сложной ситуации надо иметь сильную централизацию власти. Представим на минутку, если бы у нас была бы ситуация, как в Украине времен президента Виктора Ющенко с поправкой на нашу специфику. Это было бы хорошо для олигархов, еще для граждан с активной позицией, например, либералов, национально ориентированных, выходцев из отдельных регионов, пророссийских граждан. Но это было бы плохо для обычного населения и, увы, стало бы проблемой для государства. Информационные войны в такой ситуации могут быть весьма разрушительными.

Так что, из недавней декабрьской истории стоит извлечь свои уроки, потому что впервые за все время независимости мы все, по сути, увидели альтернативную реальность. Мне кажется, большинству она не понравилась.

²⁵<https://egemen.kz/article/260146-tauelsizdik-barinen-qymbat>

²⁶Там же.

КНИГИ ИНСТИТУТА АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

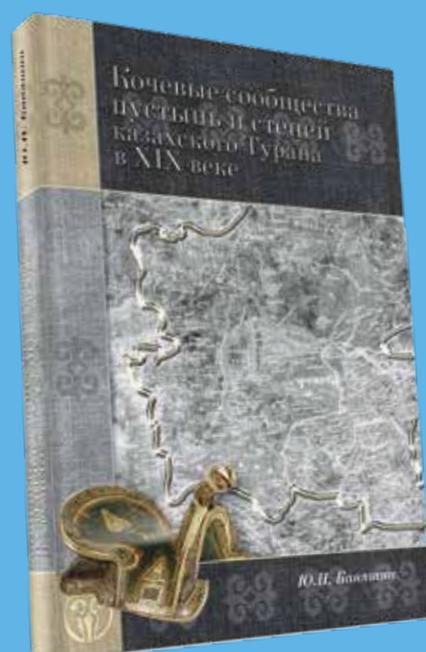
КАЗАХСТАН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Книга посвящена истории Казахстана в составе Российской империи. Она охватывает период с начала XVIII века, когда стали формироваться первые отношения зависимости казахов от России и стали оформляться первые соответствующие договора, до революции 1917 года. В книге рассматриваются различные аспекты взаимодействия Казахстана и России в контексте их общей истории, включая формирование зависимости, процессы модернизации, земельный вопрос и многие другие.

КОЧЕВЫЕ СООБЩЕСТВА ПУСТЫНЬ И СТЕПЕЙ КАЗАХСКОГО ТУРАНА В XIX веке.

В центре внимания книги: аулы (зимовки), кочевые общины и ассоциации кочевых общин. Социально-экономический и ландшафтный анализ аулов – небольших кочевых сообществ – служит ключом к пониманию более крупных кочевых объединений, исследуемых на примере Кызылтау (Сарыарка), ряда волостей Каркары и Мангышлака. Автором последовательно изучаются особенности кочевания в горно-степной, степной и пустынной природных зонах. При этом ландшафт рассматривается не только как объект общественных отношений, но и как источник информации о кочевом обществе, оставившем в «книге урочищ» пустынь и степей казахского Турана свои «ландшафтные письма».

Книга поможет всем интересующимся овладеть конкретными методами исследования кочевой системы «природа – общество» и приобрести первоначальные навыки использования экосоциального подхода в изучении объективной реальности недавнего прошлого казахских кочевников.

ИНСТИТУТ АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
THE INSTITUTE OF ASIAN STUDIES

Республика Казахстан, Алматы, ул. Валиханова, 137а. кв. 36.
Тел. (727) 291-08-55.

E-mail: officeasiakz.com, www.institute.asiakz.com